



Митрополит Иларион
(Алфеев)

ВО ЧТО ВЕРЯТ
ПРАВОСЛАВНЫЕ
ХРИСТИАНЕ

Митрополит Иларион (Алфеев)

Во что верят православные христиане

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7411521

*Во что верят православные христиане. / Иларион (Алфеев), митрополит Волоколамский: Никея;
Москва; 2014*

ISBN 978-5-91761-316-1

Аннотация

У многих нет ни времени, ни возможности разобраться в том, во что же верят православные христиане. Книга митрополита Илариона простым языком говорит об истинах и опыте православной веры и Православной Церкви: о Боге, о Святой Троице, об Иисусе Христе, о спасении, о мире и человеке, об искуплении и обожении, богослужении и таинствах, о смерти и воскресении.

Сборник можно рекомендовать всем читателям, независимо от их образования, возраста и опыта, всем, кто желает не только познакомиться с учением Церкви, но и осмысленно в ней жить.

Содержание

Что такое вера?	5
Многообразие путей	6
Бог	7
Священное имя Бога	8
Божественные имена	9
Свойства Бога	10
Катафатизм и апофатизм	11
Бог Троица	12
Троичная терминология	13
Полнота божественной жизни в Троице	14
Бог-Творец	15
Ангелы	16
Происхождение зла	17
Вселенная	18
Сотворение человека	19
Образ и подобие Божии	20
Душа и тело	21
Жизнь первых людей до грехопадения	22
Грехопадение	24
Распространение греха	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Иларион (Алфеев), митрополит Волоколамский

Во что верят православные христиане

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС 13-306-0468

Дорогой читатель!

Выражаем Вам глубокую благодарность за то, что Вы приобрели легальную копию электронной книги издательства «Никея». Если же по каким-либо причинам у Вас оказалась пиратская копия книги, то убедительно просим Вас приобрести легальную. Как это сделать – узнайте на нашем сайте www.nikeabooks.ru

Если в электронной книге Вы заметили какие-либо неточности, нечитаемые шрифты и иные серьезные ошибки – пожалуйста, напишите нам на info@nikeabooks.ru

Спасибо!

Что такое вера?

Вера – это путь, по которому Бог и человек идут навстречу друг другу. Первый шаг делает Бог, всегда и безусловно верящий в человека. Он дает человеку некий знак, некое предощущение Своего присутствия. Человек слышит как бы таинственный зов Бога, и его шаг навстречу Ему является ответом на этот зов. Бог призывает человека явно или тайно, ощутимо или почти незаметно. Но трудно человеку поверить в Бога, если он прежде не ощутит призыва.

Вера – это тайна и таинство. Почему один человек откликается на зов, а другой нет? Почему один, услышав слово Божие, готов принять его, а другой остается глух? Почему один, встретив Бога на своем пути, тотчас бросает все и следует за Ним, а другой отворачивается и уходит в сторону? «Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев, Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море; ибо они были рыболовы. И говорит им: идите за Мною... И они тотчас, оставивши сети, последовали за Ним. Оттуда идя далее, увидел Он других двух братьев, Иакова Зеведеева и Иоанна... и призвал их. И они тотчас, оставивши лодку и отца своего, последовали за Ним» (Мф. 4: 18–22). В чем тайна этой готовности галилейских рыбаков, бросив все, следовать за Христом, Которого они видят впервые в жизни? И почему богатый юноша, которому Христос тоже сказал «приходи, и следуй за Мною», не откликнулся тотчас, но «отошел с печалью» (Мф. 19: 21–22)? Не в том ли причина, что те были нищими, а этот обладал «большим именем», те не имели ничего, кроме Бога, а у этого были «сокровища на земле»?

У каждого человека есть свои сокровища на земле – будь то деньги или вещи, хорошая работа или жизненное благополучие. А Господь говорит: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5: 3). В древних списках Евангелия от Луки еще проще и прямее: «Блаженны нищие, ибо ваше есть Царствие Божие» (Лк. 6: 20). Блаженны ощутившие, что они ничего не имеют в этой жизни, хотя бы и обладали многим, почувствовавшие, что никакое земное обретение не может заменить человеку Бога. Блаженны те, которые идут и продают все свое богатство, чтобы приобрести одну драгоценную жемчужину – веру (Мф. 13: 45–46). Блаженны те, которые познали, что без Бога они нищие, которые возжаждали и взыскали Его всей душой, всем разумом и волей.

Слово о вере никогда не было легким для восприятия. Но в наше время люди порой настолько поглощены проблемами земного существования, что многим просто некогда услышать это слово и задуматься о Боге. Подчас религиозность сводится к тому, что празднуют Рождество и Пасху и соблюдают еще кое-какие обряды только ради того, чтобы «не оторваться от корней», от национальных традиций. А то вдруг религия становится «модной», и в церковь идут, чтобы не отстать от соседа. Но главным для многих остается работа. «Деловые люди» – это особая генерация людей XX – начала XXI века, для которых не существует ничего, кроме их собственной функции в каком-то «деле», бизнесе, поглощающем их полностью и не оставляющем ни малейшего просвета или паузы, необходимой для того, чтобы услышать голос Бога.

И все же, как ни парадоксально, среди шума и круговорота дел, событий, впечатлений люди слышат в своем сердце таинственный Божий зов. Этот зов, может быть, не всегда отождествляется с идеей о Божестве и субъективно воспринимается просто как некая неудовлетворенность, внутреннее беспокойство, стремление к поиску. И только спустя годы человек осознает: вся его прежняя жизнь была неполноценной и ущербной из-за того, что в ней не было Бога, без Которого нет и не может быть полноты бытия. «Ты создал нас для Себя, – говорит блаженный Августин, – и беспокойно томится сердце наше, пока не успокоится в Тебе».

Многообразие путей

Люди приходят к Богу разными путями. Иногда встреча с Ним внезапна и неожиданна, иногда – подготовлена опытом долгих исканий, сомнений, разочарований. В одних случаях Бог «настигает» человека, заставляя его врасплох, в других – человек сам обращается к Богу. Это обращение может произойти рано или поздно, в детстве и юности или в зрелости и старости. И нет двух людей, которые пришли бы к Богу одинаковой дорогой. И нет такой проторенной дороги, по которой один мог бы идти вслед за другим. Каждый первопроходец, каждый должен сам преодолеть весь путь и обрести своего Бога, Которому мы говорим: «Боже! Ты Бог мой» (Пс. 62: 2). Бог один и тот же для всех людей, но Он должен быть открыт мною и стать моим.

Один из примеров внезапного обращения человека к Богу – апостол Павел.

Прежде чем стать апостолом, он был правоверным иудеем и ненавидел христианство как вредную и опасную секту. «Дыша угрозами и убийством», он шел в Дамаск, намереваясь причинить много зла Церкви. И когда уже приближался к городу, «внезапно осиял его свет с неба; он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл, что ты гонишь Меня? Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь» (Деян. 9: 1–5). Слепленный Божественным светом, Савл потерял зрение – три дня он не видел, не ел и не пил. А потом принял Крещение, прозрел и стал апостолом Христа – тем, кому суждено было «более всех» потрудиться в проповеди Евангелия (1 Кор. 15: 10). И тотчас после своего Крещения он пошел проповедовать того Христа, Который открылся лично ему, Который стал *его* Богом.

Конечно, обращение к Богу далеко не всегда бывает внезапным и неожиданным: чаще человека ждут долгие поиски. Блаженный Августин должен был пройти через многие заблуждения и испытания, перечитать не одну философскую и богословскую книгу, прежде чем в тридцать три года понять, что он не может жить без Бога. В наше время некоторые начинают искать абстрактную и отвлеченную «истину» через книги, а приходят к откровению Бога Личности. Иногда к христианству ведут окольные пути – через восточные религии и культы, буддизм, йогу. Иные обретают Бога, пережив катастрофу: потерю близкого, скорбь, болезнь, крушение надежд. В несчастье человек ощущает свою нищету, понимает, что он утратил все и не имеет ничего, кроме Бога. Тогда он может воззвать к Богу *de profundis* – из глубины (см. Пс. 129: 1), из бездны горя и безнадежности.

Обращение к Богу может произойти благодаря встрече с истинным верующим – священником, благочестивым мирянином. Христос сказал: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5: 16).

Если бы христиане сияли Божественным светом, если бы в их глазах отражалась Божественная любовь, это было бы лучшим свидетельством о Боге и доказательством Его бытия. Один юноша решил посвятить жизнь Богу, после того как увидел священника, который на его глазах преобразился, подобно Христу на Фаворе, и просиял небесным светом...

Существует и самый, казалось бы, естественный путь к Богу: ребенок появляется на свет в религиозной семье и вырастает верующим. И тем не менее вера, хотя и полученная от отца и матери, должна быть осмыслена или выстрадана самим человеком, должна стать частью *его* собственного опыта. Известны случаи, когда выходцы из религиозных семей или даже семей священников становились атеистами: достаточно вспомнить Чернышевского и Добролюбова, которые родились в духовном сословии, но порвали с религиозностью своих предков... Верующими не рождаются. Вера дается, но дается усилиями и подвигом человека.

Бог

В разных языках слово «Бог» родственно различным словам и понятиям, каждое из которых отражает те или иные свойства Бога. В древнюю эпоху люди пытались подобрать слова, способные выразить их представление о Боге, их опыт соприкосновения с Божеством.

В русском и других языках славянского происхождения, относящихся к индо европейской группе, слово «Бог», как считают лингвисты, родственно санскритскому *bhaga* – «одающий, наделяющий», – в свою очередь, происходящему от *bhagas* – «достояние», «счастье». «Богатство» тоже родственно слову «Бог». В этом выражено представление о Боге как полноте бытия, как всесовершенстве и блаженстве, которые, однако, не остаются *внутри* Божества, но изливаются на мир, людей, на все живое. Бог *одаряет, наделяет* нас Своей полнотой, Своим богатством, когда мы приобщаемся к Нему.

Греческое слово *theos*, по мнению Платона, происходит от глагола *theein*, означающего «бежать». Древние греки видели в природе, ее круговращении, целенаправленном «беге» указания на существование какого-то высшего разумного начала, которое не могли отождествить с единым Богом и представляли в виде множества божественных сил. Однако святой Григорий Богослов наряду с этой этимологией приводит другую: *theos* от глагола *ethein* – «зажигать», «гореть», «пылать». «Ибо Господь, Бог твой, есть огонь поядующий, Бог ревнитель», – говорится в Библии (Втор. 4: 24).

В языках германского происхождения слово «Бог» – английское *God*, немецкое *Gott* – происходит от глагола, означающего «падать ниц», преклоняться в поклонении. «Людьми, которые в раннее время стремились сказать нечто о Боге, – говорит по этому поводу митрополит Сурожский Антоний, – не было сделано попытки Его описать, очертить, сказать, каков Он в Себе, а только указать на то, что случается с человеком, когда вдруг он окажется лицом к лицу с Богом, когда вдруг его осияет Божественная благодать, Божественный свет. Все, что человек может тогда сделать, это пасть ниц в священном ужасе, поклоняясь Тому, Кто непостижим и вместе с тем открылся ему в такой близости и в таком дивном сиянии». Апостол Павел, которого Бог осиял на пути в Дамаск, пораженный этим светом, тотчас «упал на землю... в трепете и ужасе» (Деян. 9: 4, 6).

Священное имя Бога

Имя, с которым Бог открылся древним евреям, – *Yahweh* (Яхве) означает «Сущий», имеющий существование, бытие. Оно происходит от глагола *hayah* – «быть», «существовать» или скорее от первого лица этого глагола *ehieh* – «Я есмь». Однако этот глагол имеет динамический смысл: он означает не просто факт существования, но некое всегда актуальное бытие, живое и действенное присутствие. Когда Бог говорит Моисею: «Я есмь Сущий» (Исх. 3: 14), следует понимать: Я живу, Я здесь, Я рядом с тобой. Вместе с тем это имя подчеркивает превосходство бытия Божьего над бытием всего существующего: это самостоятельное, первичное, вечное бытие, это полнота бытия, которая есть сверхбытие.

Древнее предание говорит о том, что евреи в эпоху после вавилонского плена не произносили имя Яхве – Сущий из благоговейного трепета перед ним. Только первосвященник один раз в год, войдя для каждения в Святая святых, мог произнести это имя. Если же простой человек или даже священник в храме хотел сказать что-либо о Боге, он заменял имя Сущий другими или говорил: «Небо». Известна и такая традиция: при необходимости человек молча прикладывал руку к сердцу или показывал рукой на небо, и все понимали, что речь идет о Боге, но само священное *Имя* не произносилось. На письме евреи обозначали Бога священной тетраграммой (YHWH). Они сознавали, что на человеческом языке нет такого имени, слова или термина, которым можно было бы поведать о сущности Бога. Воздерживаясь от произнесения имени Бога, евреи показывали, что к Богу можно приобщиться не столько через слова и описания, сколько через благоговейное и трепетное молчание...

Божественные имена

В Священном Писании встречается множество имен Бога, каждое из которых, не способное описать Его по существу, указывает на те или иные Его свойства.

Некоторые имена подчеркивают превосходство Бога над видимым миром, Его власть, господство, царское достоинство. Имя Господь обозначает господство Бога над всей Вселенной. Имена Святой, Святыня, Святость, Освящение, Благой, Благодать показывают, что Бог имеет в Себе всю полноту добра и святости, причем изливает это добро на все Свои создания, *освящая* их. «Да святится имя Твое», – обращаемся мы к Богу в молитве «Отче наш». То есть да будет Твое имя свято не только на небесах, в духовном мире, но и здесь, на земле: да святится оно в нас, чтобы мы стали святы, как Ты.

Бог также называется Мудростью, Истиной, Светом, Жизнью, Спасением, Искуплением, Избавлением, Воскресением, ибо только в Боге осуществляется спасение человека от греха и вечной смерти, воскресение к новой жизни.

Бог назван Правдой и Любовью. Первое имя подчеркивает Божественную справедливость: Он Судья, наказывающий за зло и награждающий за добро. Таков, во всяком случае, Бог Ветхого Завета. Однако Новозаветное Благовестие открывает, что Бог, будучи справедливым и правосудным, превосходит наши представления о справедливости: «Не называй Бога правосудным, – пишет преподобный Исаак Сирийский. – Где правосудие Божие? В том, что мы грешники, а Христос за нас умер?» Ветхозаветное представление о справедливости Бога Новый Завет восполняет учением о Его любви, превосходящей всякую справедливость. «Бог есть любовь», – говорит святой апостол Иоанн Богослов (1 Ин. 4: 8). Это самое возвышенное определение Бога, самое истинное из того, что можно сказать о Нем. По словам святителя Григория Богослова, это имя «угоднее Богу больше всякого другого имени».

В Библии также встречаются имена Бога, заимствованные из природы и не являющиеся Его характеристиками или попытками определить Его свойства. Это как бы символы и аналогии, имеющие вспомогательное значение. Бог сравнивается с Солнцем, звездой, огнем, ветром, водой, росой, облаком, камнем, скалой, благоуханием. О Христе говорится как о Пастыре, Овце, Агнце, Пути, Двери, образе Божиим. Все эти имена просты и конкретны, они заимствованы из повседневной реальности, из обыденной жизни. Но имеют такое же значение, как образы в притчах Христа – образы жемчужины, дерева, закваски в тесте, семян на поле, под которыми мы угадываем нечто бесконечно более великое.

Во многих текстах Священного Писания о Боге говорится как о человекоподобном существе: Он имеет лицо, глаза, уши, руки, плечи, ноги, дыхание; поворачивается или отворачивается, вспоминает или забывает, гневается или успокаивается, удивляется, скорбит, ненавидит, ходит, слышит. В основе этого антропоморфизма лежит опыт *личной встречи с Богом как живым существом*. Пытаясь выразить этот опыт, человек прибегал к знакомым ему словам и образам. В библейском языке почти нет отвлеченных понятий, столь важных для спекулятивной философии: когда надо было обозначить какой-то промежуток времени, не говорили «эпоха» или «период» – говорили «час», «день», «год» или «век»; когда надо было сказать о материальном и духовном мире, не говорили «материя» и «духовная реальность», но – «небо» и «земля». Библейский язык, в отличие от философского, обладает предельной конкретностью именно потому, что опыт библейского Бога был опытом личной встречи, а не отвлеченных умозрительных спекуляций.

Свойства Бога

Трудно говорить о свойствах Того, Чья природа находится за пределами слов. Тем не менее исходя из действий Бога в тварном мире человек может делать предположения и умозаключения относительно свойств Бога. Согласно учению святого Иоанна Дамаскина, Бог безначален, бесконечен, вечен, постоянен, несотворен, непреложен, неизменяем, прост, несложен, бестелесен, невидим, неосязаем, неописуем, беспределен, недоступен для ума, необъятен, непостижим, благ, праведен, Творец всех вещей, Всемогуш, Вседержитель, Все-видящий, Промыслитель обо всем, Владыка всего.

Безначальность Бога означает, что Он не имеет над Собой никакого высшего начала или причины Своего существования, но Сам является причиной всего. Он не нуждается ни в чем постороннем, свободен от внешнего принуждения и воздействия.

Бесконечность и беспредельность означают, что Бог существует вне категорий пространства, свободен от всякого ограничения и недостатка. Он не может быть измерен, Его нельзя ни с кем и ни с чем сравнить или сопоставить. Бог вечен, т. е. существует вне категорий времени, для Него нет прошедшего, настоящего и будущего: «Я тот же, Я первый и Я последний» (Ис. 48: 12); «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть, и был и грядет» (Апок. 1: 8). Не имея ни начала ни конца во времени, Бог является несотворенным – никто не создал Его: «Прежде Меня не было Бога и после Меня не будет» (Ис. 43: 10).

Бог обладает постоянством, непреложностью и неизменяемостью в том смысле, что у Него «нет изменения и ни тени перемены» (Иак. 1: 17), Он всегда верен Самому Себе: «Бог не человек, чтоб Ему лгать, и не сын человеческий, чтоб Ему изменяться» (Числ. 23: 19). В Своем существе, действиях, свойствах Он всегда пребывает один и тот же.

Бог прост и несложен, т. е. не делится на части и не состоит из частей. Троичность Лиц в Боге не есть разделение единой Божественной природы на части: естество Бога остается неделимым. Понятие о совершенстве Божества исключает возможность деления Бога на части, так как всякое частичное бытие не есть совершенство.

Бестелесным Бог назван потому, что не имеет тела и по природе является духовным. «Бог есть Дух», – говорит Христос (Ин. 4: 24). «Господь есть Дух, – повторяет апостол Павел, – а где Дух Господень, там свобода» (2 Кор. 3: 17). Бог свободен от всякой материальности. Когда Библия говорит о *езде*-присутствии Бога, то это опять же попытка выразить субъективный опыт человека, который, *где* бы он ни был, *езде* встречает Бога: «Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу? Взойду ли на небо – Ты там; сойду ли в преисподнюю – и там Ты. Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря, – и там рука Твоя поведет меня, и удержит меня десница Твоя» (Пс. 138: 7–10). Субъективно человек может ощущать Бога *езде*, а может не ощущать нигде – Сам Бог при этом остается вне категории «где-то», вне категории «места».

Бог невидим, неосязаем, неописуем, непостижим, необъятен, недоступен. Сколько бы мы ни пытались исследовать Бога, сколько бы ни рассуждали о Его именах и свойствах, Он все равно остается неуловим для ума, потому что превосходит всякую нашу мысль. «Уразуметь Бога трудно, а изречь невозможно», – пишет Платон. Святитель Григорий Богослов, полемизируя с эллинским мудрецом, говорит: «Изречь невозможно, а уразуметь еще более невозможно».

Бог невидим – Его «не видел никто никогда» (Ин. 1: 18) в том смысле, что никто из людей не мог узреть Его, постичь умом Его сущность. Человек способен приобщиться к Богу, стать причастным Ему, но он никогда не поймет Бога, потому что «понять» – это значит в каком-то смысле исчерпать.

Катафатизм и апофатизм

Рассматривая имена Бога, мы приходим к выводу, что ни одно из них не дает нам полного представления о Нем. Говоря о свойствах Бога, мы также обнаруживаем, что их совокупность не есть Бог. Бог превосходит любое имя: назовем ли Его бытием – Он превосходит бытие, Он есть сверхбытие; назовем ли правдой или справедливостью – в Своей любви Он превосходит всякую справедливость; назовем ли любовью – Он больше, чем любовь, Он сверхлюбовь. Бог также превосходит любое свойство, какое мы способны Ему приписать, будь то всеведение, всеприсутствие или неизменяемость. В конце концов мы приходим к пониманию того, что о Боге вообще ничего нельзя сказать утвердительно: все, что мы ни сказали бы о Нем, является неполным, частичным и ограниченным. Отсюда естественный вывод: мы не можем говорить о Боге, что Он *есть*, а можем только говорить, что Он *не есть*. Этот способ рассуждения получил название апофатического (отрицательного) богословия, в отличие от катафатического (положительного).

Апофатизм заключается в отрицании всего, что *не есть* Бог. По словам протоиерея Георгия Флоровского, Бог «выше... всякого ограничения, выше всякого определения и утверждения, а потому и выше всякого отрицания... Божество выше всех умозрительных имен и определений... Бог не есть ни душа, ни разум, ни воображение, ни мнение, ни мышление, ни жизнь, Он не есть ни слово, ни мысль... Бог не есть „предмет“ познания, Он выше познания... Поэтому путь познания есть путь отвлечения и отрицания, путь упрощения и умолкания... Бога мы познаем только в покое духа, в покое незнания. И это апофатическое незнание есть скорее сверхзнание – не отсутствие знания, но совершенное знание, несоизмеримое поэтому со всяким частичным познанием. Это незнание есть созерцание...

Бог познается не издали, не через размышление *о Нем*, но через непостижимое *с Ним* соединение...»

Апофатическое восхождение ума к Богу Отцы и учителя Церкви сравнивают с восхождением Моисея на гору Синай к Богу, Который окружил Себя мраком (ср. 2 Цар. 22: 12). Божественный мрак означает отсутствие чего-либо материального или чувственного. Вступить в Божественный мрак означает выйти за пределы умопостигаемого бытия. Израильский народ во время встречи Моисея с Богом должен был находиться у подножия горы, т. е. в пределах катафатического знания о Боге, и лишь один Моисей мог вступить во мрак, т. е., отрешившись от всего, встретиться с Богом, Который вне всего, Который *там, где нет ничего*. Катафатически мы говорим о Боге, что Он есть Свет, но тем самым мы невольно уподобляем Бога чувственному свету. И если о преобразившемся на Фаворе Христе сказано, что «просияло лицо Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет» (Мф. 17: 2), то катафатическое понятие «свет» дано здесь символически, так как речь идет о нетварном сиянии Божества, превосходящем всякое человеческое представление о свете. Апофатически мы можем назвать Божественный свет сверхсветом или мраком. Таким образом, Синайский мрак и Фаворский свет – это одно и то же.

В нашем понимании Бога мы чаще прибегаем к катафатическим понятиям, так как это легче и доступнее для ума. Но катафатическое знание имеет свои пределы, которые оно не в силах переступить. Путь отрицаний соответствует духовному восхождению к тем Божественным высотам, где умолкают слова, где замирает разум, где прекращаются всякое человеческое знание и постижение, «*где Бог*». Не на путях спекулятивного знания, а в глубине молитвенного молчания душа может встретить Бога, Который открывается ей как *не-постижимый, не-приступный, не-видимый* и вместе с тем живой, близкий и родной – как Бог-Личность.

Бог Троица

Христиане веруют в Бога Троицу – Отца, Сына и Святого Духа. Троица – не три бога, но один Бог в трех Ипостасях, т. е. в трех самостоятельных персональных (личностных) существованиях. Это тот единственный случай, когда $1 = 3$ и $3 = 1$. То, что абсурдно для математики и логики, является краеугольным камнем веры. Христианин приобщается к тайне Троицы не через рассудочное познание, а через покаяние, т. е. полное обновление ума, чувств, сердца, всего нашего существа (греческое слово «покаяние» – *metanoia* – буквально означает «перемена ума»). Невозможно приобщиться к Троице, пока ум не сделается просветленным и преображенным.

Учение о Троице не изобретение богословов – это богооткровенная истина. В момент Крещения Иисуса Христа Бог впервые со всей ясностью являет Себя миру как Единство в трех Лицах: «Когда же крестился весь народ, и Иисус, крестившись, молился, отверзлось небо, и Дух Святой сошел на Него в телесном виде, как голубь, и был голос с небес, говорящий: Ты Сын Мой возлюбленный, в Тебе Мое благоволение!» (Лк. 3: 21–22). Голос Отца слышен с небес, Сын стоит в водах Иордана, Дух сходит на Сына. Иисус Христос многократно говорил о Своем единстве с Отцом, о том, что Он послан в мир Отцом, называл Себя Сыном Его (см. Ин. 6–8). Он также обещал ученикам послать к ним Духа Утешителя, Который от Отца исходит (см. Ин. 14: 16–17; 15: 26). Отправляя учеников на проповедь, Он говорит им: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мф. 28: 19). И в писаниях апостолов также говорится о Боге Троице: «Три свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святой Дух, и сии Три Суть Едино» (1 Ин. 5: 7).

Только после пришествия Христа Бог открылся людям как Троица. Древние евреи свято хранили веру в единого Бога и не смогли бы понять идею троичности Божества, однозначно восприняв ее как троебожие. В эпоху, когда в мире безраздельно господствовал политеизм, тайна Троицы была сокрыта от человеческих взоров, как бы спрятана в самой сердцевине истины о единстве Божества.

Троичная терминология

С первых дней существования Церкви христиане верили в Отца, Сына и Святого Духа. Однако понадобилось несколько столетий, чтобы учение о Троице было облечено в точные богословские формулировки. Выработать соответствующую терминологию было необходимо, во-первых, для того, чтобы опровергать возникавшие ереси, и во-вторых, чтобы о Троице можно было говорить людям, воспитанным на традициях античной философии.

В III веке Церковь столкнулась с ересью Савеллия, который учил, что Бог – единое Существо, а три Лица – это как бы проявления одной и той же Природы, три «личины», под которыми Бог является людям. Одна и та же неделимая Монада, считал Савеллий, действовала в разные времена как бы в трех различных модусах: в Ветхом Завете Бог проявлял Себя как Отец, в Новом Завете как Сын, а в Церкви после Пятидесятницы как Святой Дух. Бог, по Савеллию, – это «Сыно-Отец»: вне отношения к миру Он есть молчащая Монада, а в отношении к миру – Слово-Логос.

Александрийский священник Арий в начале IV века учил, что Отец есть единый истинный Бог, а Сын является Его творением. Он был создан «из ничего», но имеет преимущество над прочими тварями, так как рожден раньше времени и веков. Арианство быстро получило широкое распространение и вызвало бурные споры на всем христианском Востоке. По поводу учения Ария в Никее в 325 году был созван I Вселенский Собор, которому суждено было сформулировать православное учение о Святой Троице.

Никейский Собор, осудивший ереси Ария и Савеллия, говорил о Сыне как «единосущном» Отцу, т. е. имеющем одну с Ним сущность. Православное учение о Боге Троице было выражено в следующих терминах: Бог един по существу, но един в трех Ипостасях. Эта формула, указывая на онтологическое единство Божества, подчеркивала вместе с тем самостоятельность каждой Ипостаси. Отец, Сын и Святой Дух – три полноценные Личности-персоны, каждая из которых обладает не только полнотой бытия, но и является всецелым Богом. Одна Ипостась не треть общей сущности, она вмещает в Себя всю полноту Божественной сущности. Отец есть Бог, а не треть Бога, Сын также есть Бог, и Святой Дух – тоже Бог. Но и все Три вместе не есть три Бога, а один Бог. Мы исповедуем «Отца и Сына и Святого Духа – Троицу единосущную и нераздельную». То есть три Ипостаси не делят единую сущность на три сущности, но и единая сущность не сливает и не смешивает три Ипостаси в одну.

Полнота божественной жизни в Троице

Чтобы сделать учение о Троице более доступным для понимания, Святые Отцы иногда прибегали к аналогиям и сравнениям. Например, Троицу можно сравнить с солнцем: когда мы говорим «солнце», мы имеем в виду само небесное тело, а еще солнечный свет и солнечное тепло. Свет и тепло являются самостоятельными «ипостасями», однако они не существуют изолированно от солнца. Так же, как и солнце не существует без тепла и света... Другая аналогия – вода, источник и поток: одно не бывает без другого... В человеке присутствуют ум, душа и слово: ум не может быть без души и слова, иначе он был бы *без-душным* и *бессловесным*, но и душа и слово не могут быть *без-умными*. В Боге есть Отец, Слово и Дух, и, как говорили защитники «единосущия» на Никейском Соборе, если Бог Отец когда-либо существовал без Бога Слова, значит Он был *бес-словесным* или *не-разумным*.

Но подобного рода аналогии, конечно, не могут ничего объяснить по существу: солнечный свет, например, не является ни личностью, ни самостоятельным бытием. Проще всего было бы объяснить тайну Троицы так, как это сделал святитель Спиридон Тримифунтский, участник Никейского Собора. По преданию, на вопрос о том, как это Три могут одновременно являться Одним, он ответил тем, что взял в руки кирпич и сжал его. Из размякшей в руках святителя глины вырвалось пламя и потекла вода. «Как в этом кирпиче есть огонь и вода, – сказал святитель, – так и в едином Боге есть три Лица...»

Бог Троица не есть какое-то застывшее существование, покой, статичность. В Боге полнота жизни, а жизнь есть движение, явление, откровение. Некоторые Божественные имена, как мы видели, имеют динамический характер: Бог сравнивается с огнем (Исх. 24: 17), водой (Иер. 2: 13), ветром (Быт. 1: 2). В библейской книге Песнь Песней женщина ищет своего возлюбленного, который убегает от нее. Этот образ переосмыслен в христианской традиции как погоня души за вечно убегающим от нее Богом. Душа ищет Бога, но едва обретет – снова теряет, стремится постичь Его, но не может, пытается вместить, но сделать этого не в состоянии. Он движется с большой «скоростью» и всегда превосходит наши силы и наши возможности. Найти и догнать Бога – значит самому стать Божественным. Согласно физическим законам материальное тело, способное двигаться со скоростью света, само превратится в свет. Так и душа: чем ближе к Богу, тем более наполняется она светом и становится светоносной.

Священное Писание говорит, что «Бог есть любовь» (1 Ин. 4: 8; 4: 16). Но не бывает любви без любимого. Любовь предполагает существование другого. Одинокое изолированное монада может любить только самое себя: *само-любовь* не есть любовь. Эгоцентричная единица не является личностью. Как человек не может осознать себя личностью-персоной без общения с другими личностями, так и в Боге не может быть персонального бытия без любви к другому персональному бытию. Бог Троица есть полнота любви, каждое Лицо-Ипостась обращено любовью к двум другим Лицам-Ипостасям.

На иконе Пресвятой Троицы преподобного Андрея Рублева, а также на других иконах того же иконографического типа мы видим трех ангелов, сидящих за столом, на котором стоит Чаша – символ искупительной жертвы Христа. Лица ангелов обращены друг к другу и одновременно к Чаше. В иконе как бы запечатлелась та Божественная любовь, которая царствует внутри Троицы и наивысшим проявлением которой является искупительный подвиг Сына. Это, по выражению святителя Филарета (Дроздова), «любовь Отца распинающая, любовь Сына распинаемая, любовь Духа Святого торжествующая силою крестной». Крестная жертва Бога Сына есть также подвиг любви Отца и Святого Духа.

Бог-Творец

Одним из основных догматов христианства является учение о Боге-Творце, Который создал Вселенную *из ничего*. Об этом так сказано в Ветхом Завете: «Посмотри на небо и землю и, видя все, что на них, познай, что все сотворил Бог из ничего» (2 Мк. 7: 28). Все существующее получило бытие благодаря свободной воле Творца: «Он сказал, – и сделалось, Он повелел, – и явилось» (Пс. 32: 9).

В творении участвовали все три Лица Святой Троицы, о чем пророчески сказано уже в Ветхом Завете: «Словом Господа сотворены небеса, и Духом уст Его – все воинство их» (Пс. 32: 6). Слово и Дух, по образному выражению святого Иринея Лионского, суть «две руки» Отца. Речь идет о *со-действии*, совместном творчестве Трех: Их воля одна, но каждому существу свое действие. В творении Отцу принадлежит роль скорее Первопричины всего, Сыну Логосу (Слову) – роль Демиурга-Творца, а Святой Дух довершает, т. е. доводит до совершенства, все созданное.

Однако тварное бытие иноприродно Богу, оно не является эманацией – излиянием Божества. Божественная сущность в процессе сотворения мира не претерпела никакого разделения или изменения: она не смешалась с тварью и не растворилась в ней. Бог является Художником, а творение – Его картиной, в которой мы можем узнать Его «кисть», Его «руку», увидеть отблески Его творческого ума, но Художник не исчез в Своей картине: Он остался Тем, Кем был и до ее создания.

По какой причине Бог сотворил все? На этот вопрос святоотеческое богословие отвечает: «по избытку любви и благодати». «Как только благой и преблагой Бог не удовольствовался созерцанием Себя Самого, но по избытку благодати захотел, чтобы произошло нечто, что в будущем пользовалось бы Его благодеяниями и было причастно Его благодати, Он приводит из небытия в бытие и творит все», – пишет преподобный Иоанн Дамаскин. Иными словами, Бог захотел, чтобы было еще что-то, участвующее в Его блаженстве, причастное Его любви.

Ангелы

Прежде видимой Вселенной Бог сотворил ангельский мир. Ангелы – служебные духи, бесплотные, обладающие умом и свободной волей.

Главное дело ангелов – непрестанное восхваление Бога. Пророк Исаия описывает видение Господа, вокруг Которого стояли серафимы и восклицали: «Свят, свят, свят Господь Саваоф! Вся земля полна славы Его!» (Ис. 6: 1–3). Но ангелы – это и вестники, посылаемые от Бога людям (греч. *aggelos* означает «вестник»): они принимают живое и деятельное участие в жизни человека. Так, например, архангел возвестил Марии о рождении от Нее Иисуса (см. Лк. 1: 26–38), ангел объявил пастухам о появлении на свет Мессии (см. Лк. 2: 8–20), ангел служил Иисусу в пустыне (см. Мф. 4: 11), ангел укреплял Иисуса в Гефсиманском саду (см. Лк. 22: 43), ангел сообщил женам-мироносицам о воскресении Иисуса (см. Мф. 28: 2–7). У каждого человека есть свой ангел-хранитель, который является его спутником, помощником и покровителем (см. Мф. 18: 10).

Не все ангелы равны по своему достоинству и по своей близости к Богу: существуют различные их иерархии, находящиеся во взаимном соподчинении. Автор трактата «О небесной иерархии», приписываемого Дионисию Ареопагиту, насчитывает три ангельские иерархии, каждая из которых делится на три чина. К первой и высшей иерархии относятся серафимы, херувимы и престолы, ко второй – господства, силы и власти, к третьей – начала, архангелы и ангелы.

Высшие чины получают озарение Божественным светом и приобщение к тайнам Божества непосредственно от Самого Творца, а низшие – через посредство высших. Ангельская иерархия, по Дионисию Ареопагиту, переходит в земную церковную иерархию (епископы, священники, диаконы), которая приобщается к Божественной тайне через посредство небесной иерархии. О количестве ангелов говорится обобщенно – их «тысячи тысяч» и «мириады мириад» (Дан. 7: 10).

Происхождение зла

На заре существования тварного бытия, еще до создания Богом видимого мира, но уже после сотворения ангелов в духовном мире произошла грандиозная катастрофа, о которой мы знаем только по ее последствиям. Часть ангелов, воспротивившись Богу, отпала от Него и превратилась в демонов, враждебных всему доброму и святому. Во главе этого отпавшего воинства стоял Эосфор, или Люцифер, которого также называют дьяволом и сатаной.

Дьявол и демоны оказались во тьме по собственной свободной воле. Каждое разумное существо, будь то ангел или человек, наделено от Бога свободной волей, т. е. правом выбора между добром и злом. Свобода воли дана для того, чтобы существо, упражняясь в добре, могло онтологически приобщаться к нему, т. е. чтобы добро не оставалось только чем-то, данным извне, но становилось его собственным достоянием. Если бы благо было навязано Богом как необходимость и неизбежность, ни одно живое существо не могло бы стать полноценной свободной личностью. Через непрестанное возрастание в добре ангелы должны были восходить к полноте совершенства вплоть до всецелого уподобления сверх-благому Богу. Часть из них, однако, сделала выбор не в пользу Бога, тем самым предопределив и свою судьбу, и судьбу Вселенной, которая с этого момента превратилась в арену противоборства двух полярных (хотя и неравных между собой) начал: доброго, Божественного и злого, демонического.

Христианское богословие говорит, что зло не есть некая изначальная сущность, совечная и равная Богу, оно есть отпадение от добра, противление ему. В этом смысле оно вообще не может быть названо «сущностью», потому что не существует само по себе. Как тьма или тень не являются самостоятельным бытием, а лишь отсутствием света, так и зло – это лишь отсутствие добра. Бог не создал ничего злого: и ангелы, и люди, и материальный мир – все по природе является добрым и прекрасным. Но разумным существам (ангелам и людям) дана свобода воли, которую они могут направить против Бога и тем самым породить зло. Так и случилось: светозащитник-денница, изначально созданный добрым, злоупотребил своей свободой, исказил собственное доброе естество и отпал от Источника добра.

Не будучи ни сущностью, ни бытием, зло, однако, становится активным разрушительным началом, реальностью в лице дьявола и демонов. По сравнению с Божественным бытием активность зла иллюзорная и мнимая: дьявол не имеет никакой силы там, где Бог не позволяет ему действовать, иными словами, он действует только в границах, допущенных Богом. Но, будучи клеветником и лжецом, дьявол употребляет ложь как свое главное оружие: он обманывает жертву, показывая ей, будто в его руках сосредоточены могущество и власть, тогда как на самом деле этих сил у него нет.

Бог абсолютно непричастен злу, однако зло находится под Его контролем. Именно Бог определяет границы, в которых зло может действовать. Более того, по неисповедимым путям Своего Промысла, в педагогических или иных целях Бог иногда пользуется злом в качестве орудия.

Христианское богословие не дает четкого ответа на вопрос, почему Бог, не будучи создателем зла, все же позволяет ему действовать. Говоря об этом, ум чело века замирает перед тайной, не в силах проникнуть в глубину Божественных судеб. Как говорит Бог в книге пророка Исаии, «Мои мысли – не ваши мысли, и пути Мои – не ваши пути... Но как отстоит небо от земли, так отстоит путь Мой от путей ваших и помышления ваши от мысли Моей» (Ис. 55: 8–9).

Вселенная

Видимый мир, согласно Библии, сотворен Богом за шесть дней. Как понимать эти «дни»? Вряд ли речь идет об обычных шести сутках – хотя бы потому, что сутки зависят от Солнца, а само Солнце появилось на четвертый день. На языке Библии слово «день» означало некий промежуток времени, иногда очень продолжительный. Так, например, сорока-летнее странствование евреев между Красным морем и Ханааном Давид называет «днем искушения в пустыне» (Пс. 94: 8). В другом псалме он говорит: «Пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний» (Пс. 89: 5). И по словам апостола Петра, «у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» (2 Петр. 3: 8). Кроме того, о седьмом дне не сказано «и был вечер, и было утро», как о других днях, из чего можно заключить, что седьмой день еще не завершён и продолжается. «Восьмым днем» христиане издревле называли будущий век и Царство Небесное. Все это свидетельствует о том, что библейские шесть дней – это шесть последовательных этапов творения, которое разворачивается постепенно, как грандиозная картина великого Художника.

«В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» (Быт. 1: 1–2). «Земля» первого дня – это, по выражению митрополита Филарета, «изумляющая пустота», хаотичное первовещество, имеющее в себе залог будущей красоты, гармонии, космичности.

«И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош» (Быт. 1: 3–4). Свет первого дня не есть свет Солнца и Луны, появившихся на четвертый день, это свет Божества, отобразившийся в тварном бытии. «Сказал» и «увидел» – антропоморфизмы, имеющие, однако, глубокий смысл. Выражение «сказал» указывает на действие Слова Божьего, одной из Ипостасей Святой Троицы, а «увидел» говорит о сознательности и целесообразности творческого процесса, об удовлетворении Художника от того, что созданный им Космос действительно прекрасен.

Во второй день Бог создал «твердь» – пространство, обладающее прочностью, стабильностью, твердостью. В третий день – сушу и море и отделил одно от другого. В четвертый день Бог сотворил Солнце, Луну и прочие светила: с этого момента заработал механизм суток – ритмичной смены дня и ночи. В пятый день морская стихия по велению Божьему породила рыб и пресмыкающихся, а воздушная – птиц. Наконец, в шестой день появились животные и человек.

Библейская картина Сотворения мира являет нам Бога во всем Его творческом могуществе. Сотворив духовный мир и населив его ангелами, Бог затем создает материальный космос как отображение-икону Своей превышающей всякую мысль красоты. В центре Вселенной Бог поселяет человека. Все живое, по предвечному замыслу Творца, призвано восхвалять Его.

Сотворенная Богом Вселенная является книгой, открывающей тем, кто умеет читать, величие Творца. Неверующие, наблюдая материальный мир, не видят в нем отображение высшей нематериальной Красоты: для них в мире нет ничего чудесного, все – естественно и обыденно. Книга Божьего чуда прочитывается очами веры. К авве Антонию, египетскому отшельнику IV века, пришел знаменитый философ и спросил: «Авва, как ты можешь жить здесь, лишенный утешения от чтения книг?» Антоний, указав рукой на небо, пустыню и горы, отвечал: «Моя книга, философ, есть природа сотворенных вещей, и когда я хочу, я могу читать в ней дела Божьи».

Сотворение человека

Человек является венцом творения, вершиной творческого процесса трех Лиц Божественной Троицы. Прежде чем создать человека, Они совещаются друг с другом: «Сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему» (Быт. 1: 26). «Предвечный совет» Трех был необходим не только потому, что человек рождается как существо высшее, наделенное разумом и волей, господствующее над всем видимым миром, но и потому, что он, будучи абсолютно свободным и независимым от Бога, нарушит заповедь, отпадет от райского блаженства, и понадобится крестная жертва Сына Божьего, чтобы открыть ему путь обратно, к Богу. Намереваясь создать человека, Бог видит его дальнейшую судьбу, потому что от взора Божьего ничего не скрыто.

Но если Бог заранее предвидел грехопадение Адама, не означает ли это, что Адам невинен, так как все произошло по воле Творца? Отвечая на этот вопрос, преподобный Иоанн Дамаскин говорит о различии между «предведением» Божьим и «предопределением»: «Бог все знает, но не все предопределяет. Ибо Он заранее знает то, что в нашей власти, но не предопределяет этого. Ибо Он не желает, чтобы происходило зло, но не принуждает насильно к добру». Предведение Божье, таким образом, не является роком, предопределяющим судьбу человека. Адаму не было «на роду написано» согрешить, – последнее зависело только от его свободной воли. Бог заранее знает о нашем грехе, но Божье предведение ничуть не освобождает от ответственности за него. Вместе с тем милосердие Бога так велико, что Он изначально готов принести в жертву Самого Себя, чтобы искупить человечество от последствий греха.

Бог сотворил человека «из праха земного», т. е. из материи. Человек, таким образом, плоть от плоти земли, из которой он вылеплен руками Божьими. Но Бог также «вдунул в него дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2: 7). Будучи «перстным», земным, человек получает некое Божественное начало, залог своей приобщенности к Божественному бытию. Человек причастен Божеству по самому акту творения и потому кардинальным образом отличается от всех прочих живых существ: он не просто занимает высшее положение в иерархии животных, но является «полубогом» для животного мира. Святые Отцы считают человека «посредником» между видимым и невидимым мирами, «смесью» обоих миров. Вслед за античными философами они называют его микрокосмом – малым миром, объединяющим в себе совокупность тварного бытия.

Человек, согласно святителю Василию Великому, «имел начальство по подобию ангелов» и «по своей жизни был подобен архангелам». Будучи, однако, сердцевиною сотворенного мира, соединяя в себе духовное и телесное начала, он в каком-то смысле превосходил ангелов: желая подчеркнуть величие человека, святитель Григорий Богослов называет его «сотворенным богом». Создавая человека по образу и подобию Своему, Бог творит существо, призванное *стать богом*. Человек есть *богочеловек* по своему потенциалу.

Образ и подобие Божии

«И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его: мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1: 27). Одинокая эгоцентричная монада не способна любить, и Бог создает не единицу, а двоицу, чтобы между людьми царствовала любовь. Однако любовь двоицы тоже еще не полнота любви, так как два полярных начала в ней – тезис и анти-тезис должны завершиться в синтезе. Синтезом человеческой двоицы является рождение ребенка: полноценная семья – муж, жена и ребенок – отображение триипостасной Божественной любви.

Тема образа и подобия Божьего – одна из центральных в христианской антропологии: в большей или меньшей степени ее пытались раскрыть все древнецерковные писатели. Черты образа Божьего некоторые Отцы и учителя Церкви видели в разумно-духовной природе человека. Образ Божий усматривают также в свободной воле человека и его способности выбора. Бог создал человека абсолютно свободным: по Своей любви Он не хочет принуждать его ни к добру, ни ко злу. В свою очередь, Он ждет от человека не слепого повиновения, но ответной любви. Только будучи свободным, человек может уподобиться Богу через любовь к Нему. О бессмертии человека и его господственном положении в природе, а также о присущем ему стремлении к добру говорят как о чертах образа Божьего. Наконец, способность человека к творчеству является отображением творческой способности самого Творца. Бог является «делателем»: «Отец Мой до ныне делает, и Я делаю», – говорит Христос (Ин. 5: 17). Человеку тоже заповедано «возделывать» рай (Быт. 2: 15), т. е. трудиться, обрабатывать его. Человек не может творить *ex nihilo* («из ничего»), но он может творить из материала, созданного Творцом. Материалом же для него служит вся земля, где он господин и хозяин. Не столько мир нуждается в том, чтобы человек улучшал его, сколько сам человек нуждается в приложении своих творческих способностей для уподобления Богу.

Некоторые Отцы Церкви отличают «об раз» от «подобия», отмечая, что образ – это то, что изначально вложено Творцом в человека, а подобие – то, чего предстояло достичь в результате добродетельной жизни. Согласно Иоанну Дамаскину, «выражение «по образу» означает разумное и одаренное свободной волей, а выражение «по подобию» означает уподобление через добродетель, насколько это возможно». Все свои способности человек должен реализовать в «возделывании» мира, в творчестве, в добродетели, в любви, чтобы через это уподобиться Богу, ибо «предел добродетельной жизни есть уподобление Богу», как говорит святитель Григорий Нисский.

Душа и тело

О том, что в человеке есть не только материальное, но и духовное начало, знали все древние религии, однако со отношение этих начал понималось по-разному. В дуалистических религиях материя представляется злой и враждебной человеку: манихеи даже считали сатану создателем материального мира. В античной философии тело – тюрьма, в которую заключена душа, или могила, в которую она зарыта. Древнеиндийские философские системы говорят о переселении душ из одного тела в другое, в том числе из человека в животное, и наоборот. Учение о перевоплощении, однако, было отвергнуто всей древне церковной традицией как не соответствующее не только Божественному Откровению, но и здравому смыслу: человек, обладающий разумом и свободой воли, не превратится в неразумное животное, потому что всякое разумное бытие бессмертно и не может исчезнуть. Кроме того, учение о том, что человек на земле несет наказание за свои грехи в прежних жизнях, противоречит понятию о благодати Бога: какой смысл в наказании, если люди не знают, за что его терпят (ведь они не помнят свои прежние «существования»).

Святые Отцы на основании Библии учат, что душа и тело не являются чуждыми элементами, соединенными лишь на какой-то срок, но даны одновременно и навсегда в самом акте творения: душа «обручена» телу и неразлучна с ним. Только совокупность души и тела есть полноценная личность-ипостась: сами по себе они таковой не являются.

Говоря о теле и материи вообще, Отцы Церкви подчеркивают их Божественное происхождение. Глубоко неверно утверждение, что христианство якобы проповедует гнушение плотью, презрительно относится к телу. Это было характерно для некоторых еретиков (гностиков, монтанистов, манихеев), взгляды которых в святоотеческом богословии подвергались резкой критике: «Многие из еретиков говорят даже, что тело и не сотворено Богом. Оно-де не стоит того, чтобы сотворил его Бог, говорят они, указав на нечистоту, пот, слезы, труд, изнурения и все прочие несовершенства тела... Но не говори мне об этом падшем, осужденном, униженном человеке. Если хочешь знать, каким Бог сотворил наше тело вначале, то пойдем в рай и посмотрим на первозданного человека» (Иоанн Златоуст).

Во всех случаях, когда в христианской аскетической литературе пишется о вражде между плотью и духом, речь идет о греховной плоти как совокупности страстей и пороков, а не о теле вообще. И когда говорится об «умерщвлении плоти», имеется в виду умерщвление греховных склонностей и «плотских похотей», а не презрение к телу как таковому. Христианский идеал не в том, чтобы унижить плоть, а в том, чтобы освободить ее от последствий грехопадения, вернуть к первоначальной чистоте и сделать достойной уподобления Богу.

Для библейско-христианской традиции характерен исключительно возвышенный взгляд на человека. Мнение об «унижении» человека в христианстве глубоко ошибочно. Что такое человек в восприятии атеиста? Обезьяна, только с более развитыми способностями. Что такое человек в восприятии буддиста? Одно из перевоплощений души, которая ранее могла существовать в теле собаки или свиньи и после смерти человека может вновь в них оказаться. Понятие «личность» как совокупность души и тела отсутствует вовсе: человек сам по себе – только некая промежуточная стадия в странствовании души из тела в тело.

И только в христианстве дан по-настоящему возвышенный образ человека. Человек в нем – это личность, персона, созданная по образу Бога, т. е. икона Творца (греч. *eikon* означает «образ»). По своему достоинству человек стоит не ниже ангелов. Как говорит пророк Давид: «Что́ есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его? Не много Ты умалил его перед Ангелами: славою и честью увенчал его; поставил его владыкою над делами рук Твоих; все положил под ноги его» (Пс. 8: 5–7).

Жизнь первых людей до грехопадения

Материалистическому представлению о ранних стадиях развития человечества, когда люди были подобны зверям и вели скотский образ жизни, не зная Бога и не имея никаких понятий о нравственности, христианство противопоставляет учение о блаженстве первых людей в раю и об их последующем грехопадении и изгнании из рая. Надо сказать, что в мифологии многих народов сохранились об этом предания, имеющие поразительно сходные черты. Не является ли библейский рассказ одним из таких мифов? И можно ли относиться к нему как к действительной истории человечества или его следует воспринимать как аллегорию?

Прежде чем ответить на эти вопросы, определим, что такое «миф». Греческое слово *mythos* означает вообще рассказ, историю, предание, притчу, преимущественно посвященные богам и героям, т. е. доисторическому прошлому человечества. Язык мифа – это язык символов: действительная история, становясь мифом, облекается в слова и образы, имеющие символическое значение. По мере удаления того или иного народа от истинной веры, от веры в единого Бога реальная действительность, изначально заложенная в его мифологии, все более искажается и приобретает сказочные, «мифические» (в отрицательном смысле этого слова) черты. Но какая-то доля правды все же сохраняется. Этим и объясняются черты сходства между различными мифологиями.

Библейский рассказ отличается от всех древних мифов тем, что принадлежит богоизбранному народу – единственному, который хранил истинную веру, а потому искажения в этот рассказ не проникли. Более того, Церковь принимает все, что написано в Библии, как богооткровенную истину, т. е. истину, открытую Самим Богом через Своих избранных – учителей, апостолов, пророков. В этом смысле библейский рассказ является действительной историей, а не аллегорией или притчей. Но, как всякое древнее сказание, он написан символическим языком, и каждое слово, каждый образ в нем требует истолкования. Иными словами, в Библии все до последней буквы – истина, но не все следует понимать буквально. Библейское повествование – это *символический рассказ о действительных событиях*.

Сотворив человека, Бог ввел его в рай, где тот мог жить в полной гармонии с природой: он понимал язык послушных ему зверей, все стихии подчинялись ему как царю. Бог привел к человеку всех зверей, «чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей» (Быт. 2: 19). И Адам дает имена всем зверям и птицам, т. е. познает смысл, сокровенный логос каждого живого существа. Наделяя человека этим правом, Бог как бы вводит его в самую сердцевину Своего творческого процесса, призывает к со-творчеству, со-трудничеству: «Адаму надо было узреть неизреченное устройство, носимое в себе каждым животным. И все они подходили к Адаму, признавая этим свое рабское состояние... Бог говорит Адаму: будь творцом имен, коль скоро ты не можешь быть творцом самих тварей... Мы делим с тобой славу творческой премудрости... Давай имена тем, кому Я дал бытие» (Василий Селевкийский).

Бог ввел человека в мир как священника всего видимого творения. Единственный из всех живых существ он способен словесно восхвалять Бога и благословлять Его. Все мироздание вручено ему как дар, за который он должен приносить «жертву хваления» и который он должен возвращать Богу как «Твоя от Твоих». В этой непрекращающейся евхаристической (благодарственной) жертве человека – смысл и оправдание его бытия, и вместе с тем его наивысшее блаженство. Небо, земля, море, поля и горы, птицы и звери – все как бы делегирует человека на это первосвященническое служение, чтобы его устами восхвалять Бога.

Бог позволил человеку вкушать от всех деревьев рая, в том числе от дерева жизни, дарующего бессмертие. Однако он запретил вкушать от дерева познания добра и зла, потому что

«познать зло» означает приобщиться к злу и отпасть от блаженства и бессмертия. Человеку дано право выбора между добром и злом: избрав зло, он отпадает от жизни и «смертью умирает»; избрав добро, восходит к совершенству и достигает наивысшей цели своего существования.

Цель жизни человека, по учению Отцов Восточной Церкви, – «обожение», всецелое уподобление Богу и единение с Ним. Единение с Богом, конечная цель существования человека, не есть слияние с божественной сущностью и растворение в Божестве и тем более погружение в небытие-нирвану, а есть жизнь с Богом и в Боге, при которой личность человека не исчезает, но остается самой собой, приобщаясь к полноте Божественной любви.

Грехопадение

«Змей был хитрее всех зверей по левых, которых создал Господь Бог» (Быт. 3: 1). Так начинается библейское повествование о грехопадении первых людей. В образе змея здесь представлен диавол, искушитель и враг рода человеческого. Он прельстил людей надеждой на обожение, пообещав, что, вкусив запретный плод, они станут «как боги». Человек не распознал обмана, потому что стремление к обожению было вложено в него Творцом. Но обожение невозможно *без* Бога, и признаком величайшей гордости является стремление сделаться равным Богу *вопреки* Ему.

Библейский рассказ о грехопадении помогает нам понять всю трагическую историю человечества и его нынешнее состояние, так как показывает, кем мы были и во что превратились. Он открывает нам, что зло вошло в мир не по воле Бога, но по вине человека, который предпочел диавольский обман Божественной заповеди. Из поколения в поколение человечество повторяет ошибку Адама, прельщаясь ложными ценностями и забывая истинные: веру в Бога и верность Ему.

В чем заключался грех первого человека? Большинство древнецерковных писателей утверждают, что Адам пал из-за гордости. Гордость – это стена между человеком и Богом. Корнем гордости является эгоцентризм, обращенность на себя, самолюбие, самовожделение. До грехопадения единственным объектом любви человека был Бог, но вот появилась ценность вне Бога – дерево показалось «хорошо для пищи, приятно для глаз и вожделенно» (Быт. 3: 6) – и вся иерархия ценностей рушится: на первом месте оказывается мое «я», на втором – предмет моего вожделения. Для Бога места не остается: Он забыт, изгнан из жизни.

Запретный плод не прибавил человеку счастья; напротив, он вдруг ощутил свою наготу и, устыдившись, попытался скрыться от Бога. Ощущение наготы означает лишение той Божественной покрывающей светоносной одежды, которая защищала человека от «познания зла». Жгучее чувство стыда за собственный срам – вот первое ощущение после того, как человек совершил грех. Второе – желание скрыться, показывающее, что он утратил понятие о вездеприсутствии Божьем и ищет какое-нибудь место, *где нет Бога*.

Но это еще не было окончательным разрывом с Богом. Падение не есть *отпадение*: человек мог покаяться и тем самым вернуть себе прежнее достоинство. Бог выходит «на поиск» падшего человека: Он ходит между деревьями рая и как бы ищет его, спрашивая «где ты?» (Быт. 3: 9). В этом смиренном хождении Бога по раю мы прозреваем смирение Христа, открывающееся нам в Новом Завете, смирение, с которым Бог выходит искать заблудившуюся овцу. Ему нет необходимости ходить, искать и спрашивать «где ты?», потому что Он может воззвать с неба громовым голосом или потрясти основания земли, но Он все еще не желает быть Судьей Адама, все еще хочет быть с ним на равных и надеется на его покаяние. Но вместо покаяния Адам произносит слова самооправдания, обвиняя во всем жену: «... Жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел» (Быт. 3: 12). Ты дал жену, Ты и виноват... А жена во всем обвиняет змея.

Последствия грехопадения для первого человека оказались катастрофическими. Он не только лишился блаженства и сладости рая – изменилась и исказилась вся природа человека. Согрешив, он отпал от естественного состояния и впал в противоестественное. Были повреждены все части его духовно-телесного состава: дух, вместо того чтобы стремиться к Богу, стал страстным; душа попала во власть телесных инстинктов; тело, в свою очередь, утратило первоначальную легкость и превратилось в тяжелую греховную плоть. В жизнь человека вошли болезни, страдания и скорби. Лишившись возможности вкушать от древа жизни, он стал смертным.

Не только сам человек, но и весь окружающий мир изменился. Изначальная гармония между природой и человеком нарушена – отныне стихии враждебны, бури, землетрясения, наводнения способны погубить его. Земля уже не будет растить все сама собой: ее надо возделывать «в поте лица», а она принесет «терния и колючки». Звери тоже становятся врагами человека: змей будет «жалить его в пяту», другие хищники нападать на него (см. Быт. 3: 14–19). Вся тварь подчиняется «рабству тления», и теперь она вместе с человеком будет ждать освобождения, потому что покорилась суеде не добровольно, а по его вине (см. Рим. 8: 19–21).

Распространение греха

После Адама и Евы грех быстро распространяется среди людей. Если они согрешили гордостью и непослушанием, то уже их сын Каин совершает братоубийство. Потомки Каина очень скоро вообще забыли Бога и занялись устройением своего земного быта: сам Каин «построил город», из его ближайших потомков один «был отцом живущих в шатрах со стадами», другой «был отцом всех играющих на гуслях и свирели», третий – «ковачом всех орудий из меди и железа» (Быт. 4: 17–22). Иными словами, градостроительство, скотоводство, музыкальное искусство и, выражаясь современным языком, «производство орудий труда» – все это дали человечеству потомки Каина как некий суррогат утраченного райского блаженства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.